

Гурьянов Петр Сергеевич,

магистр богословия, настоятель храма
в честь иконы Пресвятой Богородицы
«Всецарица», г. Димитровград

**«ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ»
КАК СРЕДСТВО
«ОБЕЗБОЖИВАНИЯ» СОВЕТСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ В 1920–30-Е ГГ.**

Аннотация:

В статье рассматривается такой аспект антирелигиозной борьбы большевиков в 1920–30-е гг., как способы разрушения религиозного сознания советских граждан в антирелигиозной печати, в частности публикуемые на страницах печатных изданий письма нерелигиозных граждан, воинственно настроенных по отношению к религии. Недостаточное внимание исследователей к данному вопросу обуславливает актуальность заявленной темы. Более того, использование в настоящее время аналогичных средств воздействия на общественное сознание в медиaprостранстве придает теме злободневный характер. В статье демонстрируется, каким образом «Письма в редакцию» журнала «Безбожник» становились методом конструирования, формирования образа духовенства как врага общества. Вчитываясь в письма обычных сограждан, читатель идентифицировал себя с ними, их взаимоотношениями с духовенством, переживал тревогу, связанную с угрозой строительству социализма, исходящей от духовенства и мирян. Однако формальный анализ и сравнение писем как безбожников, так и верующих позволили обнаружить противоречия и пределы данного средства «обезбоживания». Более того, указанный подход дал возможность подвергнуть сомнению подлинность так называемых «покаянных» писем церковных деятелей. Главным выводом является то, что «Письма в редакцию» были значимым способом «безбожной» идентификации молодого, подрастающего населения страны, но малоэффективным средством разрушения религиозного сознания верующих.

Ключевые слова:

антирелигиозная борьба, большевизм, «Безбожник», средства «обезбоживания», гонения на духовенство, письма.

Guryanov Pyotr Sergeevich

Master's Degree in Theology, Orthodox Priest,
the Church after the Icon
of Holy Mother «Vsetsaritsa», Dimitrovgrad

**«LETTERS TO THE EDITOR»
AS A MEANS OF «RENOUNCING GOD»
OF THE SOVIET POPULATION
IN THE 1920–30S**

Summary:

The paper discusses the aspect of the anti-religious struggle of the Bolsheviks in the 1920–30s as ways to destroy the religious consciousness of Soviet citizens in the anti-religious press and, in particular, letters published by non-religious citizens belligerent to religion published on the pages of print media. Insufficient attention of researchers to this issue determines the relevance of the stated topic. Moreover, the use of similar means of influencing public consciousness in the media at present gives the topic a topical character. The study demonstrates how the «Letters to the Editor» of the magazine «Atheist» became a way of constructing, forming the image of the clergy as an enemy of society. Reading the letters of ordinary fellow citizens, the reader identified himself with them, their relationship with the clergy, experienced anxiety associated with the threat to the construction of socialism emanating from the clergy and laity. However, a formal analysis and comparison of letters from both atheists and people of believers made it possible to discover the contradictions and the limits of this means of «renouncing God». Moreover, this approach made it possible to question the authenticity of the «Repentant» letters of church leaders. The main conclusion of the work done is that «Letters to the Editor» was a significant means of «godless» identification of the young, growing population of the country, but an ineffective means of destroying the religious consciousness of believers.

Keywords:

anti-religious struggle, Bolshevism, «Atheist», means of «renouncing God», persecution of the clergy, letters.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что исследование антирелигиозной борьбы большевиков в 1920–30-е гг. в СССР все еще носит неполный характер. Как правило, интерес ученых вызывают антирелигиозная политика большевиков в отношении духовенства и верующих в общероссийских и региональных масштабах, ее содержание и формы (репрессии, закрытие храмов, изъятие церковных ценностей, пропаганда и др.), законодательная база. Однако вопросу изучения средств, способов разрушения большевиками религиозного сознания, «обезбоживания» населения (в частности, антирелигиозных кинофильмов, плакатов, изданий и др.) уделяется мало внимания. Это представляется недопустимым, поскольку, несмотря на то что исторические условия нашей жизни изменились, методы воздействия на общественное (религиозное) сознание (например, кинематограф) используются и в настоящее время, все более совершенствуясь. Кроме того, требует более глубокого анализа вопрос об опыте противостояния тотальному «обезбоживанию», сохранения веры, религиозной идентичности духовенства и верующих в экстремальных условиях «репрессивного механизма» большевиков.

Предметом исследования являются письма в редакцию журнала «Безбожник», выпускаемого в СССР с 1923 по 1941 г. и являвшегося одним из главных печатных изданий общественной организации Союза воинствующих безбожников (СВБ), существовавшей с 1925 по 1947 г. Одним из немногих удачных примеров сочетания аналитики писем и «красноречивых свидетельств» служит сборник коллектива авторов «XX век: Письма войны» [1]. Можно сказать, что письма, особенно в экстремальных условиях войны, тюрьмы и т. п., выступают способом самоопределения личности, переживания, переосмысления опыта, самоидентификации. Кроме того, можно предположить, что письма, представленные в печати, становятся средством идентификации читателя, конституирования его личности путем со-переживания, переосмысления опыта письма. Поэтому «Письма в редакцию» в антирелигиозной печати можно рассматривать как средство «обезбоживания» читателей.

Следует отметить, что такая постановка проблемы определяет и методологические установки исследования. Опираясь на наработки авторов сборника «XX век: Письма войны», можно увидеть в письмах «не столько дополнительное информационное пособие, позволяющее "прояснить детали" и "дополнить картину" того или иного события, сколько самостоятельный дискурсивный феномен» [2, с. 13]. Метод «исторической поэтики» акцентирует внимание на целостности текста, формальной стороне писем и предполагает дистанцирование от «биографического» подхода к письмам. Все это дает возможность изучать «отношения субъективации» (Ж. Деррида) участников переписки, формирование самого человека письма, «опыт субъективации на границе выразительных возможностей» [3, с. 15].

Гипотеза исследования заключается в том, что успехи антирелигиозной пропаганды большевиков зависели от выбора ее цели. Пропаганда была нацелена на негативизацию образа духовенства, дискредитацию его социальных действий, а также религиозного мировоззрения. Однако разрушение религиозной идентичности носило внешний, поверхностный характер. Религиозный опыт, практики сохранения религиозной идентичности духовенства и верующих затрагивались в меньшей степени.

Содержательный анализ способов антирелигиозной агитационно-пропагандистской деятельности большевиков позволяет увидеть схожие черты. Так, при помощи кинематографа конструировался негативный образ духовенства и верующих. Им приписывались такие черты, как «лихоимство, жадность, лицемерие, разврат священнослужителей – попов, монахов» [4, с. 19–20] (кинофильмы «За монастырской стеной» (1928), «Овод» (1928), «Старец Василий Грязнов» (1924)). Как мы отмечали ранее, «контрреволюционная» деятельность духовенства и верующих, поддержка ими внешних врагов революции, эксплуатация неимущих масс демонстрировалась в картинах «9 января. "Кровавое воскресенье"» (1925), «Его превосходительство» (1927) и др. «Мошеничество» духовенства, эксплуатирующего невежество масс, разоблачается в ленте «Опиум» (1929) и т. д. [5].

Схожий негативный образ духовенства и верующих конструировался и в «Письмах в редакцию» «Безбожника». Так, о противостоянии местного населения «обманщику» и «вору» мулле говорится в письме жителя села Кушлар (Куткашенский район, Азербайджан). Сообщается, что жители изгнали муллу Азима и жизнь изменилась, а именно «появились новые дома, школа, изба-читальня», женщины стали учиться грамоте и «по-стахановски» работать [6, с. 16].

Письма в редакцию «Безбожника» выдержаны в тревожном ключе. Их авторы опасаются того, что церковнослужители активизировались и стремятся «восстановить свой былой авторитет» [7, с. 16]. При этом священники подделывают подписи в поддержку открытия храмов, вызывая недовольство бдительных граждан. Особое недоверие внушают авторам так называемые «письма с неба», распространяемые церковнослужителями, в которых рекомендуется молиться и передавать эти «божественные послания» окружающим. Один из пионеров, недовольный тем, что из-за подобных писем их ряды стали редеть, отравил в редакцию следующий призыв: «Это дело нужно разобрать. Ну, а как вы думаете, можно ли это допустить или нет?» [8, с. 17]. Тревога авторов писем обусловлена и тем, что антирелигиозная работа СВБ на местах была поставлена очень слабо, вследствие чего духовенство могло снова открывать церкви, принимать участие в выборах в органы власти, а также выбирать «послушных» им людей и мешать строительству социализма [9, с. 18].

«Вражеская» деятельность духовенства демонстрировалась в письмах в разных направлениях. Это относится не только к открытию храмов, но и к критике работы сельсоветов «с целью подорвать авторитет работников этих учреждений», в том числе «за некультурный и грязный вид помещений», а также для того чтобы самим принять участие в выборах депутатов в советы трудящихся или повлиять на выбор селянами «послушных» священникам людей. В одном из посланий приводится заявление священника из села Башкирской АССР односельчанам: «Придет время выборов – сядем на ваше место. Как пить дать...» [10, с. 17]. В другой критике деятельности сельсовета одного из сел Воронежской области священник предлагает избрать в сельсовет

людей, «угодных Богу», рекомендуя себя в председатели, поскольку на прежний состав сельсовета «божья благодать» не снисходила [11].

Духовенство пыталось привлечь на свою сторону и учителей. Так, в одном из сел Ярославской области заведующая школой разрешила священнику провести на Пасху молебен в школе. В селе Высокие Поляны Московской области местный священник двух учителей «напоил пьяными и повел в церковь», чтобы сельчане увидели и последовали их примеру [12, с. 11].

В «Письмах в редакцию» также вскрывалось, как духовенство стремилось оказывать влияние и на активистов колхозов. Разумеется, неудачи колхозного строительства связывались с деятельностью «церковников», которые во время работ проводили обряды, вели разговоры против советской власти, срывали проведение хозяйственных работ [13, с. 11]. Поскольку, как правило, духовенство не выступало против советской власти, то следовало обнаруживать признаки «врага» в их действиях. Так, товарищ Агеев из села Нижний Кисляй Воронежской области упоминает о «божественных письмах», в которых сообщалось: «В субботу вечером и воскресенье не работайте, а кто будет работать, накажу тремя громами и сделаю между вами кровопролитие. <...> Кто будет переписывать и читать письмо по несколько раз, тому будут прощены все грехи» [14, с. 12].

Только негативизации образа духовенства и верующих для эффективной антирелигиозной пропаганды было недостаточно. Необходимо было разрушить религиозное сознание в целом. Для образца такого «разрушения», отказа от веры, религиозного мировоззрения редакция «Безбожника» использовала «покаянные» письма «переосмысливших» свой опыт церковных деятелей – священника А.В. Рябцовского (1881–1968) (в обновленчестве – «архиепископ Калужский и Боровский») и бывшего «митрополита» Ленинградской обновленческой епархии Н.Ф. Платонова (1889–1942).

А.В. Рябцовский в письме сообщает, что всю жизнь был «церковником» и «не мыслил возможности устройства справедливой и радостной жизни вне церкви». Саму жизнь он понимал как «царство божие». Однако когда он был назначен архиереем, то «вместо идейного, пламенного горения нашел пустоту, чиновничество, бюрократизм, честолюбие, властолюбие и противную духу церковного учения жизнь». Одновременно с этим «успехи социализма» заставили священника задуматься о подлинной «правде». Взирая на молящихся, он стал думать, что «правильно будет, если праздные, молитвенные часы обратить в трудодни». Критическая мысль «архиепископа» привела к выводу, что единственно возможное царство – это «царство социализма», а все, что нужно для организации такого царства, – «проект Сталинской Конституции... единственный закон, способный дать человечеству удовлетворение, радость и счастье». Бывший «архиепископ» решил отдать все свои силы служению Конституции и перейти в ряды трудящихся [15, с. 18].

Бывший ленинградский обновленческий «митрополит» Н.Ф. Платонов в письме также призывает всех представителей духовенства перестать «эксплуатировать религиозные предрасудки верующих и жить паразитами» [16, с. 17], но заняться общепользным трудом.

В рамках статьи нет возможности рассмотреть судьбы этих двух церковных деятелей, характер их взаимоотношений с советской властью, поэтому мы ограничились лишь формальной стороной их «раскаяния», а именно анализом письма в пропагандистском поле «Безбожника». Есть основания полагать, что данные послания, как и многие другие письма церковных деятелей, были сочинены в недрах ОГПУ-НКВД. Эти «покаянные письма» обнаруживают декларативный характер, т. е. затрагивают лишь формальную сторону процесса «обезбоживания» священников, схематично ее можно представить следующим образом: служение в Церкви – обнаружение противоречий в организации церковной жизни – критическое переосмысление своего опыта и церковного учения сквозь призму учения классиков марксизма-ленинизма – идентификация себя с пролетарием, строителем самого совершенного общества – социализма. Такой шаблон «обезбоживания» предлагается и читателям «Безбожника». Однакостораживает тот факт, что в этих письмах нет даже упоминания Бога. Имен Бога нет в не-религиозном сознании большевиков, но религиозное сознание конституируется в общении с Богом.

Целесообразно сравнить рассмотренные образцы «раскаянных» писем с другим типом письма, а именно письмом как способом «сохранения себя», своей идентичности (религиозной) в условиях тотального «обезбоживания», экстремальных условиях лагерной жизни на примере посланий священника Анатолия Жураковского (1897–1937) [17]. В обращении к жене, общине он пытается пережить, переосмыслить и как-то символизировать свой жизненный опыт. В начале лагерного пути для сохранения себя, своей личности он просит жену прислать ему рясу, икону, псалтырь и даже карманные часы для поддержания прежнего ритма жизни [18, с. 72]. В более поздних письмах о. Анатолия мы можем обнаружить опыт сохранения себя, сложившийся в православной традиции, согласно которому духовная жизнь состоит из двух планов: личного и сверхличного, Божьего. Происходящее в душе верующего сравнивается с Таинством Евхари-

стии. Именно здесь происходят молитвы, священнодействия, которые выступают лишь предвосхищением «явления тайны Богорождения в душе» [19, с. 91]. Путь восхождения к Богу проходит через отречение «от цепей и от призраков скорби». В рамках «работы над собой», причастия, идентификации с Божественной Личностью можно отметить и «Божественную литургию», которую о. Анатолий совершал у себя в комнате [20, с. 80].

Суровые условия жизни заставляли о. Анатолия заботиться о своем телесном существовании (одежде, еде, сне и др.). Однако никогда он не забывал о «сверх-личной» жизни, взывая в письмах: «Слава Богу, так говорит все существо мое, и не говорит, а поет каждой своей частицей – Слава Богу!» [21, с. 126]. Тема строительства «внутреннего человека», «внутреннего храма» пронизывала его письма, что позволяло противостоять предельным условиям окружающей жизни.

Ни о конституирующей личности связи с Богом, ни о «внутреннем человеке», «внутреннем храме» нет и речи в «покаянных» письмах «архиепископа» А.В. Рябцовского и «митрополита» Н.Ф. Платонова, как будто они ничего об этом не знали. Поэтому антирелигиозная политика большевиков, в частности антирелигиозная пропаганда, носила поверхностный, формальный характер (лишение духовенства внешних атрибутов – «рясы, икон, псалтырей», препятствие совершенно богослужений при помощи закрытия храмов, разрушение общин и т. п.). Разрушить существующую связь духовенства и верующих с Богом большевикам так и не удалось. Однако они могли физически уничтожать представителей духовенства и мирян, что и стало итогом их антирелигиозной политики в 1937–1938 гг.

Тем не менее следует отметить, что формирование образа духовенства как врага среди нерелигиозного населения было значимым, но как средство разрушения религиозного сознания среди верующего населения – было незначительным. Да, большевики имели своих «святых», «каноны», «ритуалы», которые могли стать частью «новой религии» строителей социализма/коммунизма, но все это не могло вытеснить традиционные религии.

Таким образом, «Письма в редакцию» в антирелигиозной печати, в частности в журнале «Безбожник», стали довольно действенным средством «обезбоживания», как правило, молодого поколения страны и малоэффективным способом разрушения религиозного сознания верующего населения.

Ссылки и примечания:

1. XX век: Письма войны / под ред. С. Ушакина, А. Голубева. М., 2016. 840 с.
2. Голубев А., Ушакин С. Экс-позиция письма: о правилах чтения чужой переписки // Там же. С. 8–21.
3. Там же. С. 15.
4. Полтевский А.Н. Антирелигиозная фильма. М., 1930. 32 с.
5. Гурьянов П.С. Антирелигиозная борьба большевиков в 1920–1930-е гг. при помощи кино // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8 (52). С. 131–135. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.8.25>.
6. Письма в редакцию // Безбожник. 1937. № 4. С. 16.
7. Там же.
8. Там же. С. 17.
9. Там же. С. 18.
10. Там же. С. 17.
11. Там же.
12. Там же. № 7. С. 11–12.
13. Там же. С. 11.
14. Там же. С. 12.
15. Там же. № 3. С. 18.
16. Там же. 1938. № 5. С. 17.
17. Гурьянов П.С. Письма из лагерей: опыт «сохранения себя» священника Анатолия Жураковского (1897–1937) // Общество: философия, история, культура. 2019. № 10 (66). С. 75–79. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.10.11>.
18. Священник Анатолий Жураковский: Материалы к житию / сост., вступ. ст. П.Г. Проценко. Париж, 1984. 228 с.
19. Там же. С. 91.
20. Там же. С. 80.
21. Там же. С. 126.
22. Заметная часть населения, особенно молодые люди, заменила в сознании религиозные представления на коммунистические [Яковлева Ж.В. Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2017. С. 189]. Согласно результатам переписи населения в 1937 г. в СССР было 42,2 млн неверующих (43,3 % взрослого населения, включая и тех, кто из-за страха за свою жизни назвали неверующими), что свидетельствует о высоком результате проделанной работы [Жиромская В.Б. Религиозность народа в 1937 г. (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. 2000. № 1 (5). С. 107].

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович